

Правила честной игры. (Драко)

Распинаясь на тему честной игры и соблюдения правил, краем глаза наблюдаю за сюзереном. Тот изображает пребывание в полной отключке. Интересно: на кой ему это понадобилось? Приподнимаю щиты, и отправляю этот вопрос Гарри.

В ответ приходит картинка «от Кай»: «что тут планировалось и как с этим бороться». Нда... Устраивать глобальную резню... повод как-то мелковат. Но вот зачем это представление нужно Дамблдору?

Пока большинство присутствующих на матче отходило от шока, вызванного моими словами, двое бежавших к Гарри достигли своей цели. Причем Гилдерой успел первым. Взмах палочкой, короткая фраза на латыни, произнесенная с явственным рязанским акцентом*, и рука Гарри превращается... Это даже трудно описать. Во-первых, рука увеличивается почти в два раза. Во-вторых, кожа становится какой-то серебристой, а очертания... с одной стороны — хочется назвать ее «красивой», но с другой, при длительном взгляде возникает легкая тошнота и головокружение. Ну и, наконец, пальцы этой руки заканчиваются вполне отчетливыми когтями.

/*Прим. автора: Драко, разумеется, использовал местную идиому... но я не достаточно сведущ в английской культуре. Чтобы это могло быть? Ирландский? Шотландский? Кокни?*/

Нда... А мадам Помфри, как и подобает медику, владеет латынью виртуозно. Ее монолог, посвященный многообразным моральным и физическим достоинствам Гилдероя, а так же прихотливым извивам его родословной — хочется законспектировать. А я-то, наивный, еще считал латынь — скучным уроком. Как же! Несмотря на весь их профессионализм, учителя, нанятые отцом, не смогли продемонстрировать мне и малой доли красот и богатств мертвого языка, которыми владела школьный медик.

Судя по лицу Гарри, произошедшее ему никаких приятных эмоций не доставляло. Он даже заслушался переливами голоса мадам Помфри, и отвлекся от терзающей его боли. Но заинтересованность, сменившая гримасу боли, привлекла внимание колдомедика, и она осознала, что по крайней мере двое из слушающих ее детей — отлично все понимают. Медик резко замолкает, бросая на Гилдероя испепеляющий взгляд, от которого наш учитель ЗоТИ отшатывается с выражением однозначного и несомненного испуга.

Ну а когда Гарри уносят — начинается комедия. Судья, мадам Хуч — уговаривает меня продолжить игру. Вначале — одна, потом — при поддержке Дамблдора. Вотще и втуне. На каждый их аргумент у меня находится свой. В основном — я тычу пальцем в пункт правил, однозначно трактующих «появление на поле инвентаря, подвергнутого несанкционированным чарам». В правилах четко сказано, что в таком случае «игра должна быть приостановлена на время, необходимое для полного устранения последствий воздействия данного инвентаря». В нашем случае — для выздоровления Поттера.

Следующей линией обороны было заявление, что бладжер был совершенно стандартный и обычный. Ага! Как же. Тут мне очень пригодилась помощь рабыни моего сюзерена. Сейлина подошла к месту разбор... дискуссии как нельзя более вовремя... совершенно случайно, разумеется, и никто ее по связи Метки не подзывал. После того, как «посланица Высших Сил» подтвердила, что на железный мяч было наложено совершенно не присущее данному предмету заклинание — спорить стало уже совсем неприлично, и администрация школы согласилась с тем, что матч Гриффиндор-Слизерин будет продолжен после выздоровления ловца команды Гриффиндора.

Естественно, мое поведение не вызвало восторгов среди товарищей по Дому. Только Маркус Флинт улыбнулся мне... одобрительно.

— Драко! Ты что творишь?! Мы же могли... да что там — мы же почти выиграли! А ты!

Вычленив в этом потоке сознания конкретные голоса почти не представлялось возможным. От меня требовали объяснений моему недопустимо чистоплюйскому поведению. Я усмехнулся.

— Ну уж нет. Я объяснюсь с капитаном, и если он сочтет мои объяснения недостаточными — уйду из команды. — Флинт расплылся в ухмылке. Судя по всему, чтобы уйти из команды — мне пришлось бы выдумывать уж совершенно уникальное объяснение. Вроде «я заблудился на дороге жизни...»

По дороге к родным подземельям, я прислушался к тому, что бурчал на канале связи мой сюзерен. И очередной раз горько пожалел о невозможности законспектировать.

— ... и чтоб его через Око Ужаса поперек трижды. Чтоб ему Кадию в одиночку штурмовать! Чтоб им Шепот-во-Тьме заинтересовался, недоучкой трижды распроклятым! Чтоб ему с Волками Русса неделю пьянствовать... а опохмелиться — не дали!

И это еще самое приличное из того, что Гарри выдал. Хотя как ни странно к совсем уж непарламентским выражениям он так и не скатился... видимо догадываясь, если не зная точно, что слушаю его не только я, но и девочки.

— Так что с тобой случилось-то? — Вклинивается Гермиона.

— Потом, Герми. Мне сейчас только материться охота. Как в себя поприду — все объясню. В сущности, ничего страшного, но вот с мадам Помфри пообщаться придется дольше, чем мне бы того хотелось.

— Хорошо. — Явственно успокаиваясь, ответила наша Темная Леди. — Мы тебя обязательно будем навещать.

Сюзерен замолчал... да и мы наконец-то добрались до комнаты Флинта.

— Ну? — Начал разговор капитан сборной нашего Дома.

— Дык. — Ответил я, и мы расхохотались. — На самом деле... если бы этот бладжер заколдовал я сам — я бы гордился победой. Если бы это просто случилось... я принял бы победу, хотя и поморщился бы. Но так... Принимать чьи-то подачки... Ты же сам рассказывал о разнице между игроками и фигурами!

— Солидно. Но это — не все?

— Разумеется. Репутация приверженца честной игры — еще никому не вредила. В особенности, она полезна для того, что таковым приверженцем не является.

— Тоже верно.

— А еще — теперь мой отец получит возможность пнуть директора за то, что тот не разглядел опасного для учеников заклинания. Для Дамблдора это, разумеется, не удар, и даже не укол, но в политике крупные победы складываются из крохотных, почти незаметных преимуществ. И все это — разменять на чесалку для гордости? Изумрудный маг не одобрял подобного

коллективизма.

Флинт снова рассмеялся, и молча показал мне большой палец. Что ж. Как я и думал — в команде я остаюсь.

<http://tl.rulate.ru/book/69516/1849744>